

Говорят, человек меньше всего знаком с собственным лицом.

Люди лишь мельком видят свое отражение в зеркалах или на фотографиях, но не могут запечатлеть его в памяти навсегда.

Ему же выпала такая удача — увидеть себя воочию.

Свою молодую версию.

Неизвестно, удача это или проклятие.

...

— Откуда вы, молодой господин Цинь, выудили такое сокровище? Кожа такая нежная и гладкая, если не знать, можно подумать, что это какой-то юный господин из знатной семьи, — кто-то рядом услужливо подшучивал над Цинь Юэфаном, пытаясь оживить атмосферу.

Фан Еинь, оглушенный шумом вокруг, почувствовал, как закружилась голова. Он машинально хотел что-то ответить, но из горла вырвался лишь тихий, нежный звук, едва различимый для человеческого уха.

Внезапно он с горькой усмешкой изогнул уголки губ. Почти забыл. Теперь он больше не тот акула бизнеса, молодой господин Цинь, а лишь золотая клетка, которую подобрал этот самый господин.

Цинь Юэфан был крупным дельцом. В двенадцать лет он остался сиротой, в одиночку охраняя огромное наследство, пока родственники пинали его, словно мяч. В восемнадцать он вернул себе все активы и с тех пор ступил на опасный путь.

Хоть он и не занимался ничем противозаконным, сказать, что он не гнушался ничем, было бы еще мягко сказано.

Поэтому в конце пути пришло возмездие.

Он переродился, но не в своем теле.

Он спас себя, а потом сам же себя и запер.

Скучный банкет подошел к концу. Под почтительные прощания окружающих Цинь Юэфан обнял Фан Еиня за узкие плечи и усадил в машину. Наклонившись, он поцеловал его волосы и тихо спросил:

— Что ты хотел сказать минуту назад? М?

Фан Еинь покачал головой и, опустив взгляд, промолчал. Когда он мотнул головой, длинные пряди волос скользнули на белоснежную шею, щекоча кожу, и сердце Цинь Юэфана необъяснимо дрогнуло.

Он не привык себя сдерживать, а потому, подчиняясь порыву, прильнул губами к шее

сидящего рядом человека.

Не успел он ощутить обещанную сладость, как человек под ним внезапно напрягся. Фан Еинь попытался отстраниться, но не смог вырваться из крепкой хватки на плечах, словно маленькое, слабое животное, тщетно бьющееся в капкане.

Взгляд Цинь Юэфана помрачнел. Он разжал пальцы, позволяя человеку в своих объятиях отползти в самый дальний угол, где тот забился, глядя перед собой остекленевшим взглядом.

Лицо Цинь Юэфана стало еще мрачнее. Он дернул галстук, расстегнул пуговицы на рубашке и холодно бросил:

— От чего ты прячешься? Столько времени прошло, а ты до сих пор не даешь себя поцеловать?

Лицо Фан Еиня стало мертвенно-бледным. Его маленькие, мягкие пальцы сжались в кулаки, губы плотно сомкнулись, а большие глаза испуганно смотрели в одну точку. Его эмоции были настолько уязвимыми и откровенными, что он был похож на напуганную маленькую птичку.

Сердце Цинь Юэфана невольно смягчилось.

Он пододвинулся ближе и протянул руку к его щеке.

На этот раз Фан Еинь не увернулся, лишь робко опустил голову, слегка дрожа всем телом. Но его большие круглые глаза с темными зрачками, в которых блестели влажные искорки, жгли сердце, вызывая желание прижать его к себе и никогда не отпускать.

Цинь Юэфан погладил его нежную щеку и удовлетворенно произнес:

— Разве не проще быть послушным?

Фан Еинь тихо отозвался, издав мягкий, тонкий звук, похожий на птичий щебет — такой сладкий и нежный, что Цинь Юэфан мгновенно почувствовал, как внутри разыграло желание.

Почти не оставляя выбора, он приподнял подбородок Фан Еиня и впился в его губы.

Фан Еинь смотрел на лицо человека перед собой. Оно становилось все ближе, зрачки расширялись, а в глубине их бурлила ярость и отвращение, которые невозможно было выплеснуть.

Фан Еинь подумал, что никогда в жизни не мог представить, что однажды будет испытывать такое отвращение к самому себе.

<http://bllate.org/book/20422/2039901>